корневой гласной проще всего объяснять деривацией от имени со ступенью редукции в корне. Такое имя – нигде не засвидетельствованное – имело бы вид **мьта* < **тьта*. Его значение было бы 'палка' или 'шест', что хорошо согласуется с лит. *miẽtas* и другими рефлексами и.-е. **mei̯-* 'укреплять', ср. лит. *mità*, а также производное от него *mìtoti* 'удерживать на воде сеть поплавками' (LKŽ VIII, 298). Это решение в известной мере поддерживается одним из синонимов рус. *имта́ло* – рус. *хлуд*[3], из *xlǫdъ*. Глагол *имта́ть* тогда сопоставим в словообразовательном и семантическом отношениях с таким рефлексом деноминативного *xlǫditi*, как словен. *hlóditi* 'колотить палкой' (ЭССЯ 8, 37).

Рефлекс и.-е. **mei̯-* 'укреплять' можно усмотреть, кстати, еще в одном слове – с.-хорв. диал. *mȉt* 'место на лодке, где укрепляется третье (рулевое) весло'[4], которое может быть формально тождественным лит. *miẽtas*, лтш. *mìets* 'кол'. Если сближение с **mei̯-* 'укреплять' верно, для *mȉt* допустимо предполагать праслав. диал. **mitъ* <**mei̯-tŏ-* со значением, соотносившимся с идеей крепи, крепления.

Рус. *имта́ть*, *(и)мта́ло*, как уже сказано, могут содержать в корне редуцированный заднего ряда, но эта возможность не подтверждается сколько-нибудь правдоподобной этимологической версией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Lidén E.* Wortdeutungen // AfslPh. 28. 1906. 38–39.

[2] *Būga K.* Rinktiniai raštai. T. I. Vilnius, 1957, 370; T. II. Vilnius, 1959. 256.

[3] *Зеленин Д.К.* Восточнославянская этнография. М., 1991. 106.

[4] *Mihajlović V., Vuković G.* Srpskohrvatska leksika ribarstva. Novi Sad, 1977. 219.

Е.С. Павлова

ИМЕНА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ С СУФФИКСОМ *-ol-* В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Помещаемая ниже статья является частью исследования, посвященного историческому развитию именных словообразовательных моделей с *-l-* суффиксальным в русском языке. Описание моделей дается на фоне праславянского наследия, основу которого составили реконструкции, помещаемые в выходящих параллельно изданиях: Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд (под ред. О.Н. Трубачева) и Słownik prasłowiański (под ред. Ф. Славского), а также в этимологической литературе. Словообразовательные модели с опорным консонантным элементом *-l-* в славянских языках представляют собой достаточно древний пласт производных. Диахроническое описание любой из этих моделей требует принятия условных временны́х границ, в пределах которых будет вестись исследование. Если верхний временно́й

предел естественным образом ограничен описанием современного состояния модели, то в качестве исходного логично остановиться на праязыковом состоянии, т.е. для русского языка – на праславянском.

Имена с гласным *-o-*, предшествующим *-l-* в составе суффикса, менее частотны в славянских языках, нежели другие производные с *-l-* суффиксальным.

Редким для праславянского языка называет этот формант В.А. Меркулова (ЭССЯ 14, 243 – ст. **lěsola*). Исключительным появление имен на *-ol-* в славянском словарном составе считает Ф. Славский[1]. Отдельные примеры с суф. *-olъ*, *-ola-* из славянских языков – впрочем, без отнесения их к праславянской древности – приводит А. Вайан (Gramm. comparée 564). Отсутствуют модели с этим суффиксом в очерках по историческому словообразованию русского языка Ж.Ж. Варбот, А.А. Зализняка, В. Кипарского[2].

Польский исследователь Ст. Вархол посвятил отдельную статью именам собственным и апеллятивам с формантом *-ol'a* в славянских языках[3]. В статье, вслед за Ф. Славским и со ссылкой на него, отмечается точное соответствие славянского *-olъ* литовскому суффиксу м.р. *-alas*: в названиях действия, деятеля, а также в функции деминутивной, напр., *plẽpalas* 'болтовня; болтун': *plepẽ́ti* 'болтать', *draũgalas* 'дружок': *draũgas* 'друг' (Sławski, указ. соч., 109). Проанализировав ряд современных славянских апеллятивов (напр., продуктивные в функции клички коров имена типа польск. *Czarnola* 'корова черной масти', *Czwartolia* 'корова, рожденная в четверг' и под.), а также с.-хорв. имена собственные (*Desola, Dražola, Radola, Sestrola* и под.), Ст. Вархол выделил характерную для всех этих образований ономато-гипокористическую функцию, отметил параллелизм в образовании зоонимов на *-ol'a* и *-ul'a* (*čьrnol'a ~ čьrnul'a*), а также высказал предположение о славянском происхождении форманта *-ol-*, вопреки более раннему своему же высказыванию о романском происхождении суф. *-ol'a* (равно как и *-ul'a*)[4].

Отдельные лексемы с суффиксальным формантом *-ol-* приводит З. Барболова в своей работе, посвященной словообразовательным моделям на *-l-* в болгарских диалектах, отмечая при этом, что формант *-ol-* почти не встречается в говорах болгарского языка[5].

Итак, по имеющейся литературе относительно суффиксального форманта *-ol-* известно, что 1) он весьма редок для праславянского, немногочисленны случаи его употребления в современных славянских языках; 2) используется в виде *-ol'a* в экспрессивной функции в кличках животных и именах людей (Вархол); 3) является славянским и имеет соответствие в балтийских языках (Славский, Вархол) или по своему происхождению является романским (Миклошич и др.).

Рассмотрим имеющийся у нас материал по производным именам с суф. *-ol-*.

[Изучению подлежит только исконнославянский или русский языковой материал. Возможные заимствования в данной работе не рассматриваются].

I. Праславянский фонд

[в праславянской части рассматриваются не только реконструкции, имеющие продолжение в русском языке. Наличие же таких продолжений в русском специально оговаривается].

Производные, имеющие парадигматические варианты

***gomolъ(jь)/*gomola/*gomol'a** – на основании с-хорв. *gòmoļa* 'груда (сыра)', словен. *gomóla* 'неплодородная земля, пустошь', *gomòlj*, м., *gomolja*, ж. 'ком', чеш. *homole*, ж. 'конус', польск. *gomóła* 'ком' и нек. др. (см. ЭССЯ 7, 18–19). Имеет прямое соответствие в балтийском, ср. лит. *gãmalas* 'ком (снега); кусок, ломоть (хлеба)'. Рассматривается Л.В. Куркиной как слово, принадлежащее балто-славянскому слою лексики[6]. Ю.А. Лаучюте помещает его в разделе: "Слова, происхождение которых недостаточно аргументировано"[7]. О.Н. Трубачев, отмечая (как и другие) близость лит. *gãmalas*, полагает, однако, что "едва ли можно говорить о регулярности соответствий, поскольку перед нами, по-видимому, экспрессивная лексика, что проявляется (независимо) как в балт., так и в слав. языках" (ЭССЯ 7, 19). М. Фасмер считает родственными приведенные литовское и славянские слова (Фасмер 1, 435).

Вероятно, все-таки является общим балто-славянским образованием, восходящим к более раннему источнику. По мнению В.Э. Орла, этим источником является и.-е. название земли **dhĝhō̆m- / *ghdhō̆m-* (Pokorny 1, 114). Для слав., балт., алб. языков В. Орел предполагает наличие языка-посредника, которым мог быть иллирийский (как язык, удовлетворяющий требованиям данной этимологии: т.е. "отразивший и.-е. **o* как *o* или *a*, mediae aspiratae перешли в mediae, а палатальные гуттуральные развились по кентумной норме", таким образом, для иллирийского, откуда слово пришло в балканские, балтийские и славянские языки, предполагается форма **go/am(u)l-*[8]. Имеет суффиксальные варианты: **gomula*, **gomyla*.

В русском языке представлены: рус. -цслав. *гомолъ, гомола, гомолꙗ* 'комок', XIII в. (СлРЯ XI–XVII 4, 72); диал. уменьшительное производное *гомóлька* 'соска для младенца', курск. (Даль[2] I, 375, где ошибочно соотносится с звукоподр. *гом, гóмон*, т.е. 'шум, детский плач', в то время, как речь идет, вероятно, о древнейшем виде соски – комочке размоченного (пережеванного) хлеба, перевязанного тряпицей – Е.П.)[9].

•kъrkolъ/*kъrkol'ь – на основании с-хорв.*кр̂кољ*, м. 'мешанина', *кркòљача*, ж. 'кривая, засохшая ветка'; макед. *крколица*, ж. 'кривизна, изгиб', блр. *каракóль*, м. 'сук, сук дуба', диал. *каркалíна*, ж. 'кривое, раскидистое дерево' и нек. др. "Родственно **kъrkul'a*, где представлена иная огласовка суффикса и близкое исходное значение 'кривая, загнутая палка, ветка'' (ЭССЯ 13, 217)[10].

В русском языке нашли отражение следующие образования:

кроколъ м. ‘вилка’, 1499 г. (СлРЯ XI–XVII 8, 69), диал. *ко́рокол* ‘выкорчеванный пень’ и *ко́роколь*, м. ‘развилка, сук’ (Картотека Псковского словаря), а также производные: *корокóльчатый* ‘толстый, кряжистый (эпитет дуба), ветвистый, кудрявый’; *корокóльчастый*, *корокóлистый* – то же (СРНГ 14, 359); *караколя́стый* ‘суковатый (о дереве)’ (СРНГ 13, 71).

***dъbolъ/*dъbol'ь** – на основании словац. *dbol* м. ‘улей’. Производное с суф. *-ol-* от основы **dъb-* < и.-е.**dheu̯bh-/*dhubh-* ‘долбить’, ‘глубокий’. Связано с **dъbno* ‘дно’, **dъbrъ* ‘ущелье, овраг’ (ЭССЯ 5, 175–176). Несмотря на ограниченность распространения, о праславянском характере образования свидетельствует архаичный тип основы и словообразовательные связи внутри данного этимологического гнезда. Сюда же, вероятно, следует отнести **bъdolъ?/*bьdolъ*, ср. словец. *bdol* ‘улей’, вынесенное в ЭССЯ в отдельную словарную статью (см. ЭССЯ 3, 111). Учитывая полное фонемное, структурное и семантическое сходство с предыдущим (а также территорию распространения), следует признать словац. *bdol* результатом метатезы к *dbol*[11]. Возраст метатезы неясен.

В русском языке продолжений не имеет.

***skogolъ/*skogol'ь/*skogola** – может быть реконструировано для праславянского на основании приведенного Ф. Хинце материала, ср. кашуб *skogola* ‘комар’, а также названия комара в словаре Сыхты: *skogу́a* (устар.), *skogol, skogole/skogule* и производных *skogolezna* ‘укус ко́мара’, *skogoləc są* ‘ссориться; кусаться’, *skogoleńe* ‘капризничанье’ (Sychta 5, 51). Сюда же, по материалам Ф. Хинце, относится рус. диал. *скогóль* ‘поросенок’, *скогóлить* ‘визжать, скулить’ (смол.), укр. *скúгля, скигля́к* ‘чибис’, блр. *скóголіць, скýголить* ‘визжать, скулить’[12], а также укр. *скугý* – междометие, передающее визг (Фасмер III, 644). Все эти слова объединены значением ‘скулить, визжать, издавать резкие, пронзительные звуки’ и восходят к звукоподражательной основе **sko/u-g-* (Хинце, указ. соч., 146–147).

***šč̀ьgolъ/*šč̀ьgol'ь** – реконструируется Ж.Ж.Варбот на основании польск. *szczegół* ‘подробность, особенность’, *szczególny* ‘особенный, единственный’, рус.-цслав. *сцѣглъ* ‘единственный, одинокий’, с.-хорв. *cȉgli* – то же, чеш. *štihlý* ‘тонкий, стройный’, рус. *щёголь* ‘франт, модник’. Все эти слова являются производными от глагола **šč̀igati*, **šč̀ignǫti* с исходным значением ‘рвать, драть’[13]. Русское *щёголь*, в таком случае, отразило развитие значения ‘подробность, особенность’. Связь со словом *щегóл*, р.п. *щегла́* ‘певчая птица’: *щеготáть*, звукоподр. (Фасмер IV, 498) этой этимологией снимается.

***drol'ъ/*drol'a** – на основании болг. *дро́ла*, ж., дро́л’о, м. ‘растрёпа”, с.-хорв. *дрȍља*, ж. ‘неряха; потаскуха, шлюха’, *дро́ља*, ж. ‘тряпичный коврик, подстилка’, чеш. *drol*, м., *drola*, ж. ‘горная порода’, рус. диал. *дро́ля*, общ.р. ‘милый, милая, возлюбленный’ и нек. др. По мнению О.Н. Трубачева, соотносится с глаг. **dьrliti/*dьrl'ati* с именным вока-

лизмом *-o-*, что исключает помещение данной лексемы в ряд производных с суф. *-ol-* (ЭССЯ 5, 124–125).

Существует иная точка зрения на структуру слова *drol'a*. Этимологии этого слова были посвящены две специальные статьи[14]. Оба автора сходятся на возможности образования *drol'a* с помощью суф. *-ol-* от глаг. корня **dьr-* (**dьrati, *derǫ*) 'драть, рвать'. А. Кошелев реконструирует праформу **dьrol'a*, Ж.Ж. Варбот – на основании внутрисловянских и внешних соответствий – полагает, что возможна и нулевая огласовка корня **dr-*, ср. полное литовское соответствие *drãlas* 'драчун, задира', *drãlyti* 'драть, рвать'. Такой вокализм корня предполагает значительную древность образования и отличает форму *drol'a* от других славянских и балтийских производных с суф. *-ol-* (Варбот, указ. соч., 81). А. Кошелев исходным для рус. *дро́ля* считал значение 'лишающий девственности'. Наиболее вероятным семантическим развитием, согласно Ж.Ж. Варбот, был путь 'задира' → 'милый'. Вероятнее всего, значение 'ласкать' могло быть присуще уже глаголу **dьrati*: 'драть, трепать, теребить' → 'нежить, ласкать'.

В русском языке представлено, как уже отмечалось, следующими образованиями: *дроль, дро́ля*, м. и ж. 'милый, милая, возлюбленный', а также производным глаголом *дро́лить* 'нежить, холить, ласкать' (СРНГ 8, 199; Волог. словарь 2, 58).

Изучение текстов, в которых используется слово *дро́ля* (в частности, такого популярного в народе жанра, как частушка)[15] показало, во-первых, ограниченность распространения данного слова в русских диалектах: подавляющее большинство примеров связано с текстами, записанными на территории б. Архангельской губ. (№№ 1–338 в указанном сборнике), по одному примеру из Вологодской, Новгородской и Костромской областей. В частушках, записанных на территории южнорусских и среднерусских говоров (в том числе и в Московской области), слово *дро́ля* не встретилось ни одного раза.

Второе наблюдение связано с родовой дифференциацией слова *дроля*, которое во всех словарях относится к общему роду. Оказалось, что в подавляющем большинстве случаев *дроля* означает обращение к возлюбленному мужского пола; и лишь две частушки содержат обращение к женщине (№№ 84, 381 в указ. сборнике), ср.: "Кофта нова, кофта нова, Рукава коротки. *Дроля, дроля*, не балуй, Я боюсь щекотки" (арханг., № 54, с. 6) или: "Мой-то *дроля* долговязый – Только веники вязать, Проводил меня до дому – Не умел поцеловать" (арханг., № 60, с. 7) и: "Мой-то милый окосел, К чужой *дроличке* подсел. Я недолго думала, Подошла и плюнула" (арханг., № 84, с. 9).

Представляет особый интерес рус. диал. *дра́ля* (Ярослав. словарь 4, 18) с тем же значением 'возлюбленный, возлюбленная', которое может быть преобразованием достаточно древнего **drol'a* в сторону вторичного сближения с мотивирующим глаголом (*драть*) или новообразованием с *-l-*суффиксальным от этого же глагола. Сохранение мотивационных связей подтверждает этимологию Кошелева–Варбот.

Значение ‘нежить, ласкать’, связанное с корнем **dr-/*dьr-/*der-*, представляет и другое суффиксальное образование: глагол *дро́чить* и соотносимое с ним имя *дро́ка*, волог. ‘условия, в которых человек испытывает полное довольствие’ (Волог. словарь 2, 58). Частое использование глаг. *дро́чить* в ситуациях, связанных с coitus'ом[16] объясняет, на наш взгляд, путь развития от значения, заключённого в глаг. *драть* ‘рвать, щипать, теребить’ через значение ‘ласкать’ к имени существительному *дро́ля*, *дра́ля* ‘милый, возлюбленный’.

***sopolъ/*sopolʹь/*sopolь** – на основании рус. *со́поль*, м. ‘гибкая трубка, рукав, кишка’: "*Сополь* пожарной трубы"; мн. *со́поли* ‘штанины’, ед.ч. ‘каждая из двух половин шаровар’ (Даль[2] IV, 273–274). Связано с *сопль*, *сопе́ль*, *со́пло* в знач. ‘труба, жёлоб’. Ср. в другом значении: ст.-слав. **сополъ** ‘mucus’ (Loewenthal, WuS X, 1927, 150), болг. *сопо́л* ‘сопля’, с.-хорв. *со́пољ* ‘сопля; сосулька’ и с вокализмом *-е-* в суффиксе: чеш., польск. *sopel*, словац. *sopeľ*, а также с консонантным суффиксом: серб.-цслав. и др. *сопль* ‘сопля’ (Фасмер III, 719).

Является субстантивированной формой *-l-* прил. **sopьl-jь* от глаг. **sopti*, **sopěti*. Лёвенталь (указ. соч., с. 160) сравнивает с лит., *šãpalas* ‘рыба, голавль’, лтш. *sapals* ‘вид карпа’ – вероятно, получившие название из-за склизкости чешуи. Фасмер выражает сомнение в возможности такого сопоставления.

Помещение слова в данном разделе достаточно условно, но вызвано оно тем, что вокализация суффикса, вероятно, явление довольно древнее, см. ст.-слав. форму.

Производные с суффиксом -olъ

***komolъ(jъ)** – на основании с.-хорв. производного *kòmolac* ‘локоть’, словен. *komȏl*, прил. ‘безрогий’, чеш. *komolý*, прил. ‘тупой, короткий’, польск. производн. *komolec* ‘локоть, мера длины’ и нек. др. О.Н. Трубачев считает славянским производным с суф. *-olъ* от **komъ*, а близкие лит. *kamuolỹs*, лтш. *kamuõls* ‘клубок, моток’ объясняет, как и в случае слав. **gomola* ~ балт. *gãmalas*, как "выходящие за рамки регулярных соответствий", объяснимые "раннеэкспрессивным характером их образования" (ЭССЯ 10, 174–175). В противоположность этому мнению, Л.В. Куркина относит слово **komolъ* к балто-славянскому слою лексики[6]. М. Фасмер сравнивает с *комёла*, *ко́мель*: "другая ступень чередования" (Фасмер II, 304).

В русских говорах отмечены: прил. *комо́лый*, *-ая*, *-ое* ‘безрогий; однорогий’, ‘комлистый, непригодный для изготовления каких-либо изделий’, ‘гладкий, ровный’, ‘имеющий незаконченный вид, недостроенный’, ‘бесплодный мужчина’, сущ. (по происхождению – субстантивированное прил.) *комо́ла*, ж. ‘комольная корова’, ‘выступ, нарост на месте рогов у животного’, ‘палка, к которой прикрепляют концы бредня’, *комо́л*, м. ‘бечева, окаймляющая боковой край крыла

невода', производн. *комолóк* 'культя руки от локтя до плеча' (СРНГ 14, 235–236).

***xomolъ** – на основании с.-хорв. *Homoļ*, м., назв. села в Боснии, *Homoļe*, с. топоним в Сербии (с XIV в.) и Герцеговине, ст.-чеш. *chomol*, м. 'вихрь', словац. диал. *chomola* 'шея', польск. производн. *chomolec* 'жердь, на которой держится крыло невода' (ЭССЯ 8, 68). О.Н. Трубачев объясняет как экспрессивный вариант к **gomola*, **komolъ* (там же). Балтийских соответствий нет, в других источниках отсутствует.

В русском языке представлено призводным *хомолóк* 'верхушка, маковка', псков. (Даль[2] IV, 560 – с вопросом: *холмóк*?).

***vьrxolъ** – на основании словен. *vrhǫ̑l* (Vaillant. Gramm. comparée, 564), чеш. *vrchol* 'верхняя часть, вершина', польск. *wierzchoł* – то же. Ранний праслав. диалектизм, "имеющий точное соответствие в лит. *viršẽlis* 'верхушка'" (ЭССЯ. Проспект, 89–90).

В псковских говорах русского языка отмечено слово *верхóлье* – то же, что *верхóвье 3*: 'поверхность земли (?); название места, название поля'. Ср. также *верхóлина*, собират. 'жители Верхолинского прихода' (Псков. словарь 3, 107). Фонетическое объяснение *l* на месте *v* в данном случае исключается, поскольку перед нами мягкие пары согласных. Вероятно, мы имеем дело с ранними суффиксальными вариантами, близость которых обусловила параллелизм дальнейшего словообразования. Территория распространения слова **vьrxolъ* лишний раз подтверждает историческую близость псковских говоров и западнославянских языков.

***stьbolъ** – к этой форме К. Штрекель возводит рус. *ствол*, болг. *цвол*, *ствол*, с.-хорв. *цволика* 'стебель лука', чеш. *stvol* 'стебель', рассматривая слав. **stьbolъ* и **stьbelь* как суффиксальные дублеты с чередованием *-e-/-o-*, родств. **stьblo*, **stьblь* (< и.-е. **sthibh-*)[17]. Формы с *-v-*, по мнению К. Штрекеля, вторичны. Эту этимологию поддерживают Преображенский (приводит, со ссылкой на Миклошича, чеш. *štbol*, откуда пóзднее *stvol*, и на Горяева – рус. диал. *остебёлок* и *остевёлок* 'прут' – см. Преображенский 1097) и Фасмер (III, 749).

Русское продолжение этой формы – *ствол* – в силу произошедших фонетических и структурных изменений осознаётся носителями языка как непроизводное.

***sokolъ** – на основании имеющегося материала, полагаю, что можно говорить о трех различных словах-омонимах, имеющих эту структуру: ***sokolъ 1** 'ловчая хищная птица'. Помещается в праславянском разделе, поскольку приведенный М. Фасмером материал подразумевает общеславянское распространение слова, ср.: рус. диал. *сóкóл*, укр. *сóкіл*, ц.-слав. *соколъ*, болг. *сокóл*, с.-хорв. *сòкô*, р.п. *сокòла*, чеш., словац. *sokol*, польск. *sokół*. Обычно считается родственным др.-инд. *çakunás*, *çakunáḥ* 'какая-то птица, большая птица' (Фасмер III, 708). Согласно Л. Булаховскому, слово пришло с востока как название прирученной охотничьей птицы и восходит к араб. *çaqr* 'охотничий сокол'[18]. Нами

принимается этимология А. Брюкнера (ZfceltPh 2, 309 и Brückner. Słown. 506), согласно которой имя *sokolъ* связано с глаголом *sokotati*, т.е. является в основе своей звукоподражательным. Сюда же, вероятно, следует отнести русское производное *соко́лка*, стар. 'короткая пищаль' (Даль[2] IV, 262).

Сокол 2, 3 – см. ниже, в русском материале.

***šebolъ** – как суффиксальное образование с суф. *-ol-* рассматривается Л.В. Куркиной для объяснения ряда славянских слов: рус. диал. *ше́болы* 'лохмотья', тамб., *шо́бол* 'худая, изношенная одежда', *шо́болы* 'лоскутья, висящие со старого изношенного платья', заурал. *шаболь* 'слишком неровное место в дороге, особенно летней' и нек. др.[19] Та же основа повторяется в ряде чешских глаголов: *šobolit* 'тереть, растирать', *ošobolený kabat* 'потертый пиджак'... Правомерность вычленения корня **šeb-* и суф. *-ol-* подтверждается рядом сравнений: рус. диал. *шо́бон, шо́боны* 'ветошь, истасканная одежда, тряпьё', *шебуня́ть* 'ковырять копаться, делать кое-как', *шебутно́й* 'склонный с дрязгам, мелким ссорам', польск. *szebinki* 'мелочь, чепуха'. Восстановленная основа **šeb-*'тереть, ковырять' имеет соответствие в литовском: **šẽberkštis* 'щепка, стружка', *šẽbekščioti* 'становиться лохматым' и восходит к и.-е. **skeb(h)-* (Куркина, указ. соч., 336–337).

***rępol(ъ)** – как суффиксальный вариант к **rępel-* реконструируется О.Н. Трубачевым на основании рус. диал. *пе́пел, репо́лов* 'одна из певчих пташек' (Даль[2] IV, 123), *репо́лиха* 'самка реполова', княж. фамилии *Ряполовский*[20]. Надёжность реконструкции корневого *-ę-*, по мнению О.Н. Трубачева, подтверждается инославянскими соответствиями: польск. *rząp* 'копчик, зад', *rzępoła* 'тот, кто пиликает, скверно играет на скрипке', с.-хорв. *pȅn* 'хвост'; в.-луж. *rjap* 'спинной хребет'. В качестве исходной реконструируется основа **ręp-* 'хвост' (Трубачев, указ. соч., 6–9). Русский материал можно дополнить формой *пѣ́пица* 'хвост позвоночного животного кроме шерсти и волоса; вся связь хвостовых косточек, продолжение позвонков; у птицы: пузырек на гузке' (Даль[2] IV, 123). Появление *ѣ* в русских примерах О.Н. Трубачев объясняет как результат вторичного сближения с *пѣ́на*.

***mlaxolъ** – данная форма реконструируется на основании материалов Л.В. Куркиной, высказавшей предположение, что рус. *малохо́льный* (и *малахо́льный*) 'слабый, странный, ненормальный' может быть рефлексом древнего образования с суф. *-ol-*, возводимого к основе **mla-x=/ *mla-k-*, ср. с.-хорв. *mlahav-mloxav* 'слабый', *mlahiv* – то же, *mlahaviti* 'делать слабым', словен. *mlȃhav* 'слабый, вялый', *mlȃhen* 'тепловатый', а также с.-хорв. *mlȁka, mlȁka* 'ленивая женщина', *mlakav* 'вялый, слабый', на основании которых Скок реконструирует для всей этой группы и.-е. корень **m(e)lā-* с расширителем *-ko*: **mlāqos* > греч. βλαξ 'слабый', др.-ирл. *malcaim* 'гнить' и нек. др. Славянские слова с корнем

**mlāk-*, согласно Л.В. Куркиной, этимологически родственны праслав. **mьlčati*[21].

Русское *малохóльный* претерпело изменения в силу забвения внутренней формы слова, а в дальнейшем было перестроено по аналогии со сложными словами, содержащими в первой части основу *мал-* (*малый*), ср. *малоýмный, малопýтный* и др. (Куркина, указ. соч., 23–25).

Производные с суффиксом -ol'ь, м.р.

***bǫbol'ь** 'прыщ, волдырь на коже, пузырь на воде' – на основании польск. *bąbol*, чеш. диал. *bubolec, bobolec*, с.-хорв. *bubòlica* 'прыщ'. Соответствует лит. *bum̃balas* 'пузырь, волдырь', 'железный шарик на конце бича', 'большой узел' (SP I, 347), а также фриг. *bambalon* (βάμβαλον) 'penis' (Топоров. Прус. яз. I–K, доп. 377). Ср. в ЭССЯ реконструкцию **bǫbъlъ/*bǫb(ъ)lь/*bǫbъl'a/*bǫbъlъ/*bǫbulъ/*bǫbulь/*bǫbul'a* – "ономатопоэтическое производное от основы **bob-* с помощью суф. элемента *-l-* (в различных вариантах огласовки)" (ЭССЯ 2, 231–232).

В русском языке рефлексы с суф. *-ol-* не отмечены.

***krъxol'ь** – на основании с.-хорв. производного *krhoļak*, р.п. *-ļka*, м. 'кусок, обломок, крошка', *кр̀хољина*, ж. – то же. Согласно О.Н. Трубачеву, является производным с суф. *-olь* от **krъxa*, **krъxati* (ЭССЯ 13, 52).

В русском представлено производным *крóхольный, -ая, -ое* 'крошечный, малый, мизерный, ничтожный', твер., тул. (СРНГ 15, 286).

Производные с суффиксом -ola

***lěsola** – введено в состав праславянского словаря В.А. Меркуловой на основании словац. *lesola*, ж. 'обрядовое деревце, которое носят в процессиях' – "производное с редким суф. *-ola* от **lěsa* 'плетенка', ср. (в семантическом плане) укр. *вільце* 'украшенное, увитое, сплетённое деревце'" (ЭССЯ 14, 243). Не исключено, что в данном случае перед нами позднее местное образование.

В русском языке не представлено

Производные с суффиксом -ol'a

****sьrtol'a** [знач.?] – реконструируется И.П. Петлёвой на основании блр. глагола *сяртóліцца* 'выполнять долгую и тяжёлую работу' как промежуточная ступень в цепочке с исходным глаголом **sьrtati* 'быстро двигаться, нестись, стремиться' < **sьrt-* < и.-е. **ser-* 'течь, двигаться' (Pokorny I, 909–910). Ср. производные с этим корнем:

посиртýхи, мн.ч. полесск. 'вращающиеся колёсики в ткацком станке' (**po-sьrt-ux-a*), *сертухá*, ж. арханг. 'мелкий моросящий дождь'[22]. Праславянская древность неочевидна. Не исключено прямое влияние на формирование морфологической структуры белорусского глагола *сяртóліцца* соседнего литовского языка, где формант *-ol-* (*-al-*) является одним из глагольных суффиксов с деминутивно-итеративным значением, например, *pilstalioti* 'лить' к *pilstyti* 'разливать', *darbalioti* медленно, вяло работать' к *dìrbti*[23]. В таком случае наличие имени сущ. **sьrtol'a* необязательно.

В русском продолжений не имеет.

Производные с суффиксом -olь, ж.р.

***smogolь** – может быть реконструировано на основании рус. диал. *смóголь*, ж. 'смоль, коптелая чернота' как образование, этимологически тождественное **smogorъ*, ср. словен. *smogor*, *smogur* 'сучок, нарост на ветке, смоляной наплыв на ели; сыпь на лице', с.-хорв. *smogor* 'лучина', н.-луж. *smogoŕ* 'торф' и нек. др.[24] Оба слова, а также прилаг. *смяглый* 'смуглый, тёмный', сущ. *смáга* 'огонь, жар, пламя и нек. др. Л.В. Куркина возводит к этимологическому гнезду **smeg-*/**smog-*/**smag-* (назализация *-ę-* в *смяглый*, по мнению Л.К., вторична). Образования с корнем **smug-* 'смуглый' (< и.-е. **smoug-*) относятся к другому гнезду, поскольку корневóй вокализм этой группы и рассматриваемой выше не сводятся к какому-то одному ряду чередований (указ. соч., с. 10).

В русском отмечено только *смóголь*, ж. 'смоль, коптелая чернота', западн. (Даль[2] IV, 236), ср.: "Ровно *смоголь* черны глаза-то (похожи на смолу по черноте)", казан., 1849 (Картотека СРНГ). Прилагательного с той же ступенью огласовки корня (**смоглый*) не зафиксировано.

***xorxolь** – реконструируется В.А. Меркуловой[25] на основании рус. диал. *хóрохоль*, ж., новгор. и *кáрохоль*, олон. 'предсмертный хрип человека': "*Хóрохоль* заходúла/ *хóрохоль* – э́то когдá умирáют дак *хóрохоль* хóдит". Рассматривается как производное с суф. *-olь* от звукоподражательной основы **xorx-*, чередующейся с **šerx-* < *хегх- 'шорох', откуда **šerxolь*, см. след.

***šerxolь** – на основании рус. диал. *шóрохоль*, ж. 'рухлядь, тряпьё', псков. (Картотека СРНГ). Тождественно в структурном и этимологическом плане предыдущему (см.). Восходит к звукоподражательной основе **šerx-* 'шорох'[25]. Праславянская древность обоих слов, учитывая только русский языковой материал, по мнению В.А. Меркуловой (указ. соч., 194), необязательна.

II. Русские образования с суффиксом *-ol-*

[В данном разделе рассматриваются имена, в которых формант *-ol-* выделяется с синхронной точки зрения. Это позволяет, на наш взгляд, составить более полное представление о развитии модели в целом].

Производные, имеющие парадигматические варианты

вя́хол/вя́холь, м. ‘верёвочная сетка для сена’; ‘сетчатый мешок, кошель для сена, сплетённый из верёвок или лыка, в который набивают солому для кормления лошади в дороге’, курск., ворон., ряз. (СРНГ 6, 81). То же: *вя́хель, вя́хиль, вя́харь, вя́хирь, вя́хорь, вя́тель* (там же и Даль[2] I, 388; Фасмер I, 377). Слово тёмное. Обилие фонетических и морфологических вариантов может свидетельствовать о заимствовании, но источник его неясен. Большинство исследователей сходятся на сопоставлении с *вя́ха* ‘куча, ворох, большая ноша, беремя’, *вяха дров*, волог. (Даль[2] I, 338 – с вопросом: "к *веха, вѣха*?"); переносно ‘рохля, копун’, олон. (Куликовский 14). Дальнѝшая идентификация корня, однако, вызывает затруднения. Миклошич предполагал связь с *вя́лый, вя́нуть* (EW 380); Преображенский – с *вязáть* (1, 112); Горяев отмечал диалектное *вяха* [источник? – *Е.П.*] – о неясности отношения которого к *веха* (*вѣха*) см.: Фасмер I, 377.

обзóл (обзёл)/обзóль, м. ‘неровный край доски с оставшейся корой, горбыль, горбылевая доска’ (СРНГ 22, 55). Вероятно, собственно русское производное с суф. *-ol-* от *обза* (<**ob-ьz-a*) ’кора, кожа’, однокор. с **obьža* (< **obьzja*), которые восходят в свою очередь к и.-е. корню **ig-* ‘лущить, лупиться’[26], ср. также праслав. **ěžiti* (ЭССЯ 6, 60).

вазгóла/вазгóля, общ. ‘неопрятный человек, грязнуля’ (Псков. словарь 3, 18): *вазгать(ся)* ‘пачкаться’.

красóль/красóля, ж. ‘растение Tropacolum majus L., сем. капуциновых; настурция обыкновенная (СНРГ 15, 198): *красá*. Ср. *красýля*.

и́стополь, м./**и́стополь**, ж. ‘количество дров, необходимое для одноразовой топки печи’ (Картотека Арханг. словаря; Ярослав. словарь 4, 146). То же – *и́стопель*. Приставочное образование, аналогичное *тополь 2* (см.).

мóзголь, м. ‘нездоровый, слабый человек’/**мóзголь**, ж. ‘загнившая древесина’, арханг. 1852 (СРНГ 18, 204). Представляет собой субстантивированную форму прилаг. *мóзглый* с вокализацией суффикса по типу "гласный непереднего ряда".

óпухол, м./**óпухоль**, м./**óпухоль**, ж. ‘отёк, припухлость’ (СлРЯ XI–XIV 13, 56; СРНГ 23, 317). Ср. также *óпухель* (СРНГ 23, 317). Все эти формы являются результатом различной вокализации суффикса в слове *óпухль* (там же), субстантивированного отглагольного прилагательного *опухлый*: *(о)пухнуть*.

Производные с суффиксом -olъ

кýзол ‘кузов, плетёная из бересты или лыка корзина, заплечная сумка для грибов, ягод’, Коми АССР, 1968 (СРНГ 16, 27).

В современном русском языке лишено каких бы то ни было мотивационных связей. Рассматривается О.Н. Трубачёвым среди прочих лексем близкой структуры со значением ‘корзина, кошелка’ как

производное с префиксом **ka-, *ko-, *ku-* и корнем **zob-* с первоначальным значением 'корзинка для корма' (см. **kazobъ/*kozobъ* – ЭССЯ 9, 173 и **kuzobъ* – ЭССЯ 13, 145). Понятно, что такая этимология исключает возможность выделения суффикса в данном слове.

Против такого решения для лексем с финальным *-b-* трудно что-либо возразить, тем более, что оно может быть подтверждено наличием синонимичных образований другой структуры, но с тем же корнем: *зобня, зобенька, зобница, зобелька* 'корзина, лукошко, кузовок' (Даль[2] I, 690), для которых, кстати, первоначальная идея 'корзина для корма' явно выводима (в отличие о всего комплекса лексем, объединённых в указанных статьях в ЭССЯ), ср.: *зобня́* 'лукошко плетёное или лубочное, берестяное, для дачи лошадям овса или ячменя; *зобнёю* же манят лошадей с поля и с нею ходят по ягоды, по грибы; также называют и конскую торбу', 'нищенская сума': "Привяжется *зобня* – откажется родня" (Даль[2] I, 690).

Однако правомерность введения в гнездо **kazobъ/*kozobъ/*kuzobъ* русского диал. *ку́зол*, с.-хорв. *ку́зō*, р.п. *кузо́ла* 'кузовок, посуда из коры (для ягод), чехол для точильного бруска', *Kuzol*, м. – имя собственное (ЭССЯ 13, 145), словен. *kozòł*, р.п. *kozòła* 'короб, корзинка из дранки, лыка' (Фасмер II, 402; Vaillant. Gramm. comparée, 564), а также ряда производных с финальным *-v-* (см. ниже) – вызывает сомнение. И дело не только в различиях рефлексов конечных согласных, которые, хоть и не сводимы к традиционным фонетическим нейтрализациям, но при желании могут быть объяснены средствами фонетики[27].

Появление *l* на месте *v* тоже может быть объяснено фонетически: как графическая передача *v* в говорах (языках) с *w*-билабиальным и *l*, чередующимся в слабой позиции с [w/y̆]. Именно такое объяснение русского диалектного *ку́зо́л* (из *ку́зов*) было предложено мною ранее [28]. Однако выявление инославянских соответствий с суффиксальным *-l-* (ср. выше: с.-хорв. *ку́зō*, р.п. *кузо́ла*, словен. *kozòł* и др.). т.е. вынесение *ку́зол* за пределы русского языка, ставит под сомнение достаточность фонетического объяснения (хотя и не исключает его вовсе) и вынуждает искать новое этимологическое решение. К этому побуждает и несводимость целого ряда значений к первоначальному 'корзина для корма', которое реконструирует О.Н. Трубачёв для гнезда **kazobъ/*kozobъ/*kuzobъ*. Ср. чеш., словац. *kozub* 'очаг', ст.-польск. *kazub* 'дымовая труба', словин. *kaʒëb* 'рыба лещ, Abramis brama', укр. диал. *ко́зуп* 'кулёк из коры молодого дерева', *козу́бка* 'коробка из сосновой коры' (ЭССЯ 9, 173), рус. *ку́зов* 'короб гнутый, плетёный или обшитый по остову коробища; вместилище всякого рода', в т.ч. *ку́зов каретный, тележный* 'вязанная и обшитая клетка на дрогах для поклажи и сиденья', *корабельный кузов* 'судно вчерне, без отделки и вооружения'; в бортнической терминологии: *ку́зов* 'плетёный либо гнутый лубочный улей, вешаемый вместо борти на деревья', откуда *кузовно́е пчеловодство* – часть бортевого, лесного, но

вместо вырубки бортей во пнях, подвешиваются к деревьям кузовья (Даль[2] II, 213); ‘колыбель, люлька’, ‘свод русской печи’, ‘комлевая часть снопа’, ‘узел, свёрток’, ‘о животе беременной’, ‘о неповоротливом человеке’ (СРНГ 16, 26); а также производные *кузовóк* ‘рыба жарких морей, Ostration, округлой формы, в виде кузова’, ‘раковина Calceola’; *кузóвка*, костр. ‘род гриба (с загнутой шляпкой? – *Е.П.*)’ – Даль[2] II, 213.

Возможность иного членения для перечисленных выше имён, чем для **ko-zobъ* от **zobati*, обнаруживается при обращении к группе славянских лексем, близких к *кýзов/кýзол* по значению, но не сводимых к гнезду **zob-*. Речь идет о предложенной Ж.Ж. Варбот реконструкции славянского этимологического гнезда с корнем **kuz-/*kuž-* (из и.-е. **keug'-*) ‘гнуть, сгибать’ на базе рус. диал. *кужа* ‘конусообразная рыболовная снасть’, *кýжня* ‘большой короб’, *кýженька* ‘ватрушка’, ‘корзина для грибов, ягод’, укр. *кýжба* ‘крюк в треножнике’, словен *kužéti* ‘сидеть на корточках’ и нек. др.[29] Представляется, что можно дополнить этот список рядом лексем, структурная и семантическая близость которых к перечисленным достаточно очевидна, ср.: *куз, кузá*, ж. ‘берестяной кузовок, лукошко’, *кузь*, м. ‘шишка’ (СРНГ 16, 23; 27); *кýжель* ‘большая плетёная из прутьев корзина для сена, картофеля’, *кýжка* ‘маленькая корзина из целого куска бересты’, *кýжик* ‘верхняя часть русской печи, переходящая в дымоход’, *кужня́* ‘лубок с загибом спереди, употребляемый для свозки с дворов снега при наступлении весны’, ‘улей из еловой коры, вешаемый на дереве в лесу для поимки пчелиного роя’, ‘о беременной или очень толстой женщине’, *кужóк, кожóмка, кужóнка* ‘короб, корзинка из бересты, лыка’... (СРНГ 16, 20–23).

Приведенный материал обнаруживает распространенность номинации сосудов или других предметов по признаку г н у т о с т и, в ы п у к л о с т и. В этих названиях отражается, вероятно, древнейший способ изготовления сосудов путем сгибания, свертывания пригодного для этого материала – коры, луба... – или даже использование в качестве сосудов природного гнутого материала – до начала долбления стволов или плетения.

На этом фоне представляется вполне вероятным возникновение в пределах славянского гнезда **kuz-* и слова **kuzovъ/*kuzolъ* – праславянского имени с вариантными суффиксами *-ol-/-ov-* (см. наличие соответствий для обоих вариантов в южнославянских языках).

Встает вопрос об отношении к формам **kuzolъ*, **kuzovъ* тех лексем с конечным *-b-*, которые объединены в ЭССЯ в гнезде **kazobъ/*kozobъ/*kuzobъ*. Очевидно, в славянских языках была группа подобных образований, производных от корня **zob-*, с первичным значением ‘корзина определенного назначения (для корма)’. Допустимо достаточно раннее взаимодействие обоих этимологических гнезд, выражавшееся в семантических и структурных сдвигах. Особый интерес представляет группа имен, обозначающих очаги и их части.

О.Н. Трубачев, вслед за Бернекером, объясняет их значения как вторичные, производные от 'плетенка, корзина (обмазанная глиной), решетка, колосники, использовавшиеся при устройстве печи' (ЭССЯ 9, 174). Думаю, что достаточно правомерно и иное предположение – о непосредственном образовании названий очага и его частей от основы **koug'-/*keug'-* 'гнуть', т.е. обозначение очага как округлого, выпуклого свода, пространства[30]. Это находит подтверждение в чеш. *krb* 'очаг', которое может быть связано не только с **korbъ* 'короб, вид корзины' (ЭССЯ 9, 174), но и с более глубинным значением и.-е. **(s)krbh-* 'крутить, скручивать, изгибать' (ср. *корóбить*), лежащим (как и **koug'-* в основе **kuzovъ*) в основе названий корзин – **korbъ* (ЭССЯ 11, 54). Интересно, что и рус. *кýзов* тоже зафиксировано в значении 'свод русской печи', т.е. обозначения очага реальны для славянского гнезда **kuz-*. Поэтому представляется возможным, что имена с конечным *-b*, обозначающие очаг, дымоход (ср. чеш. диал. *kozub*, слвц. *kozub*, ст.-польск. *kazub* – ЭССЯ 9, 173), являются результатом сближения **kuzovъ* с производными гнезда **zob-*.

пятнóл, нов. 'средство для выведения пятен': *пятнó*. Образование по типу продуктивных в химической и фармацевтической терминологии имен, где *-ол* восходит к лат. *ol(eum)* 'масло': *бензóл*, *автóл*, *ментóл*, *метанóл* и под. В русском словообразовании осознается как словообразовательная морфема[31].

сокол 2 – как уже отмечалось выше (см. праслав. **sokolъ 1* – название птицы), русский диалектный материал дает основания говорить о трех различных словах-омонимах, возводимых к форме *sokol-*. В словаре В.И. Даля приводится слово *соколъ* (без ударения) в знач. 'бойное орудие разного рода, большой железный лом; таран, стенобитное орудие, подвешенное на цепях; ручная баба, трамбовка или пест' (Даль[2] IV, 262, без указания места)[32]. Описание орудия допускает двоякое толкование его названия: **sъ-kolъ* < **kolti* 'орудие для раскалывания чего-либо' и **sok-olъ* 'орудие для рассекания', т.е. в семантическом отношении обе реконструкции допустимы. Однако дальнейший анализ говорит в пользу суффиксального варианта[33]. По-видимому, перед нами древнее производное от корня **sek-* (**sok-*)/**sěk-* 'сечь, резать, рубить', ср. с той же огласовкой в корне родственные *сокéра*, волог. 'затупленный топор', костр. 'топор вообще, особ. дроворубный' (т.е. предназначенный для рассекания, колки поленьев, ср. образованное по той же семантической модели слово *колун* : *колоть*), *сокúра*, южн. 'топор, секира' (Даль[2] IV, 262), др.-рус. *сокыра* (Фасмер III, 592), восходящие к **sok-er-a*, **sok-yr-a*, последнее – абсолютный словообразовательный дублет к **sek-yr-a*. На изолированность корневого вокализма, представленного в **sekyra*/**sokyra* (при глаголе **sěkti*, **sěkǫ*, продолжающем и.-е. **sek-* 'рублю, рассекаю, разделяю ударом острого'), уже давно обратили внимание. О.Н. Трубачёв отмечает как исключительно славянскую инновацию продление

количества гласного в корне глаг. **sěk-*, поскольку ни внеславянские соответствия, ни наиболее древние производные внутри славянского не дают оснований для реконструкции долгого гласного в корне[34]. Прямое соответствие латинскому *sekuris* 'топор' и отличный от глагольной основы вокализм корня выводят **sekyra/*sokyra* на дославянский уровень (Трубачёв, указ. соч., 149–150). В таком случае, предлагаемая нами реконструкция **sokolъ 2* 'бойное орудие' может быть объединена в одном ряду с указанными выше древними производными по признакам корневого вокализма (ступень *o/e*) и общности семантики ('орудие для рассекания чего-л.'). Структурное тождество суффиксов, вариативность плавных сонантов, характерная для ранней и.-е. эпохи, подтверждает глубокую древность этого образования и позволяет отнести его к возможным праславянским диалектизмам.

****сокол 3** – считаю возможным выделить эту форму на основании рус. производных *сокóлик, соколéц* 'чёрная жила большого пальца руки, vena pollicis; у лошадей: ножная жила, из которой кровь пускают'; *соколóк* 'кровяная жила большого перста; ямка под большим пальцем, между двух сухих жил, куда нюхальщики сыплют табак': "понюхать *с соколкá* или *на соколóк*, а с ногтя – на фырок" (Даль[2] IV, 262). Судя по значению 'кровяная жила', может быть производным с суф. *-ol-* от **sokъ* 'жидкость, влага', **sočiti(sę)* 'истекать соком'. Значение 'ямка под большим пальцем' – вторично по отношению к 'жила' → 'место, где проходит кровяная жила'. Сюда же следует отнести производные *ó-сок-оль*, олон. 'навозная жидкость, вытекающая из хлевов' (СРНГ 24, 42), волж. *сокóльня* 'нужное место на судах' (Даль[2] IV, 262). Соответствий в других славянских языках не обнаружено.[35]

хазóл 'любовник', волог. (Даль[2] IV, 541), Ср.: *хаз* 'щёголь, франт, мот; нахал, пройдоха, грубиян, наглец' и *хазúла* 'тщеславный, надменный человек'. Характер суффикса определён предположительно (м.б. и *-ъl-*), поскольку косвенные падежи не зафиксированы. Дальнейшая идентификация корня вызывает затруднения, см. *хаз 1, 2* (Фасмер IV, 215).

Производные с суффиксом -ol'ь, м.р.

жмоль 'скупой человек, скряга; кулак, скупщик хлеба' (СРНГ 9, 206): *жать, жму*. Слово это с характерной словообразовательной семантикой 'жать, сжимать' → 'кулак' → 'скупец' должно дополнить приведенный И.П. Петлевой ряд однокоренных имен с тем же значением: *жом* (*жем*), *жемóк, жмак, жмяк, жмячóк, жемýля, жмот, жмарь, жмóйда* и нек. др.[36] Из суффиксальных вариантов с опорным *-l-* ср. *жмоль/ жмыль/жмýля*.

кедрóль 'кедровое масло, используемое в качестве лекарства, ленингр. 1932 (СРНГ 13, 174). Производное с суф. *-ol'ь* от *кедр*. Очевидно, как и в случае с *пятнóл* (см.), *-ol-* восходит к лат. *ol*(*eum*) 'масло' (с передачей мягкости *-l-* или вторичным йотовым расширением).

пýколь 'рубчатый валёк для катания белья', твер. (Даль[2] III, 537). Вероят-

но, связано с *пу́клый* 'выпуклый, вздувшийся' – по форме, окату рубцов данного приспособления, ср. также *распу́колка* 'древесная или цветочная почка' (Преображенский 871).

подро́столь 'телёнок на втором году жизни', то же – *подро́стель* (СРНГ 28, рукопись): (*под*)*расти, -росту*.

о́троколь 'отросток': "стоит дерево о 12-и сучках, на каждом сучку 6 *отроколе́й*", новгор., 1853. (СРНГ 24, 299). Производное от слова *о́трок* 'отросток, побег растения' – там же. Само слово *otrokъ* неоднократно привлекало внимание этимологов. Обычно считается, что это приставочное образование от глагола *ректи* 'говорить' (с закономерным для отглагольного бессуффиксального имени вокализмом *-о-*) и приставки *от-* со значением отрицания, т.е. 'не говорящий, не имеющий права голоса, социально неполноценный человек'[37]. Ср. параллельное в словообразовательном отношении имя *нерока* 'кормилица', зафиксированное в псковских говорах в начале XVII столетия, которое также может быть объяснено как 'не говорящая, не имеющая своего голоса в доме' (т.е. 'чужая' – см. Варбот, указ, соч., 161). Наличие в последнем случае отрицания *не-* косвенно подтверждает реконструкцию отрицательного значения и для *от-* в *otrokъ*. Первоначально *otrokъ* означало 'ребёнок, младенец, не умеющий говорить' и было лишено социальной окрашенности (Цейтлин, указ. соч., 374). Понятие 'юный, молодой, растущий' → 'отросток' для слова *отрок,* которое могло лечь в основу образования *отроколь,* появилось, по мнению Р.М. Цейтлин, не ранее XVI–XVII вв., таким образом, и слово *отроколь* должно быть признано достаточно поздним.

чистоль [род, знач., удар.?], может быть 'чистые деньги, чистая выручка за реализованный товар' (т.е. чистоган)?: "...гдѣ тѣ разбойные и татинные животы подѣвали и къ кому привозили или у кого положили или кому что продали и за *чистоль* положили..." (Докл. в Сенате I.1711,77. Картотека ДРС). Ср. *чисто́ воровать, на чисту́ю* – выражения из воровского жаргона, означающие "украсть одни только деньги (а не вещи)"[38]. Производное от прилаг. *чи́стый*, ср. образование с гласным переднего ряда в суффиксе: *чистель*, ж. 'чистота, нечто очищенное, зачищенное' (Даль[2] IV, 607).

В современных словарях русского языка фиксируется новое омонимичное образование *чисто́ль* м. 'средство для чистки медных, латунных и т.п. изделий'[39], где *-оль* генетически тождественно латинскому *ol*(*eum*). Таким образом, в рамках современной словообразовательной системы русского языка возникло слово, формально совпадающее с производным иного хронологического пласта – от того же корня (*чист-*) и с суффиксом, внешне идентичным, но имеющим иную природу происхождения.

Производные с суффиксом -ola

жу́кола, ж. ‘насекомое, жучок; корова черной масти’, костр., влад., яросл.; мн.ч. ‘телята, рожденные в феврале’, костр. (СРНГ 9, 225; Ярослав. словарь 4, 50): *жук*.

Производные с суффиксом -ol'a

дрого́ля, м. и ж. трус, трусиха’, тул. 1852 (СРНГ 8, 196). Поизводное от глагола *дрожа́ть*. В ряде диалектов отмечены формы без смягчения: *дрога́ть*, ворон., волог. (там же).

дудо́ля, м. и ж. ‘ребенок, сосущий грудь, соску’, смол., твер., тул.: *дуде́ть, дуди́ть* ‘сосать’ (одно из значений, см. СРНГ 8, 250).

макаро́ля, м. и ж. ‘милый, милая, возлюбленный’, урал. (СРНГ 17, 308). На славянской почве необъяснимо. Представляется возможной связь с греч. μάκαρ, μακάριος ‘блаженный, божественный, избранный’.[40] Суффиксальное оформление по типу *дро́ля* ‘милый, милая’. Не исключено посредничество одного из условных языков (офеней, шерстобитов и под.), в которых, как известно, немало грецизмов. Впрочем, образований от основы *макар-* в этих языках (по имеющимся источникам) нами не обнаружено. Возможно и непосредственное образование от личного имени *Макар* в экспрессивной функции, но при этом следует отметить эксплицирование внутреннего содержания греческого имени *Макар* в производном *макаро́ля*.

моголя́, ж.‘мелкий дождь’ (Ярослав. словарь 6, 49). Вызывает сомнение место ударения. Возможно, восходит к праслав. **mьgol'a,* (ср. **mьžel*ь) – производному от **mьga, *mьžiti, *mьžěti*. Родственно суффиксальному **mьgla* или является результатом преобразования последнего.

пачко́ля, м. и ж. ‘неряха, грязнуля’, псков., урал., м. ‘плохой маляр’, ж. ‘неопрятная, нечистоплотная хозяйка’, влад. (СРНГ 25, 303; Даль[2] III, 27). Производное от глагола *па́чкать*, ср. *пачку́ля, па́чкала, пачко́ра*, костр., яросл. (там же).

размахо́ля, м. и ж. ‘разгильдяй’ (Пособие-инструкция для подготовки и составления региональных словарей русского языка. М., 1960, 58). Экспрессивное образование, связанное с глаг. *маха́ть*.

родо́ля, ж. ‘свежий камыш, выросший после скошенного’, урал. 1976 (Картотека СРНГ). Вероятно, связано с *род, роди́ть*(*ся*), т.е. ‘родившийся заново’.

топоро́ля, м. и ж. ‘тот, кто сделал что-то топорно, кое-как нижегор. 1852 (Картотека СРНГ). Связь с *топо́р* выступает на словообразовательном и семантическом уровнях. Не исключена окказиональность образования.

шишо́ля, м. и ж. ‘неповоротливый человек’, вят. 1882 (Картотека СРНГ): *шиш, ши́шка*. То же – *шишу́ля*.

ру́холь ‘рухлядь’, псков. 1902–1904 (Картотека СРНГ). Связано с прилагательным *ру́хлый*: *ру́шить*.

****сухоль**, ср. *сухольё*, собир. ‘сушняк, сухие деревья, ветки, стебли’, смол. 1982 (Картотека СРНГ). Субстантивация прилагательного *су́хлый*: *суши́ть*. Суффиксальным дублетом с вокализмом *-е-* является *су́шель*.

то́поль 1[41] ‘непроходимое место в болоте, топь’, калин. (Картотека СРНГ). Субстантивация прилагательного *то́плый*: *топи́ть* ‘погружать в воду, заставлять погрузиться ко дну’.

то́поль 2 ‘топка в печи, место, где горят дрова’, яросл. 1961 (Картотека СРНГ). Связано с прилаг. *то́плый* ‘тёплый’ – от *топи́ть* ‘нагревать’[42].

тру́холь ‘рухлядь, старьё; руины, сор, прах’, арханг. 1907 (Картотека СРНГ). Связано с *тру́хлый* ‘трухлявый, дряблый, рыхлый от гнили, ветхости’ (Даль[2] IV, 445); *труха́, тру́хнуть*.

ту́холь ‘вонь, тухлость, спёртый запах’, твер. 1858, калин. 1972 (Картотека СРНГ; Даль[2] IV, 445). Связано с *ту́хлый*: *туши́ть*. Ср. также приставочные образования: *но́тухоль* ‘начинающие гнить съестные припасы’: *поту́хлый* (Даль[2] III, 360): *за́тухоль, за́тохоль, за́тхоль* (и *за́тхель*, ж., *за́тхло* ср.р.): *зато́хлый, за́тхлый* (СРНГ 11, 103, 115, 116; СлРЯ XI–XVII 5, 326).

тя́голь ‘сутуга, проволока’, ворон. (Даль[2] IV, 454). Связано с прилаг. *тя́глый*: *тяга́ть, тяну́ть*.

не́жеголь ‘высохшая на корню, нескошенная трава’ (XVII в. – СлРЯ XI–XII 11, 111): *жег-* (*жечь, жгу*). Из предложенного толкования явно не следует связь с глаголом *жечь*, но она легко восстанавливается при сравнении с более полно семантически описанным именем *не́жель* ‘прошлогодняя, высохшая на корню трава, не выжженная осенью или весной’, тул. (СРНГ 21, 41). Оба слова – *не́жеголь* и *не́жель* – являются, таким образом, результатом различного фонетического развития единой формы **ne-žьg-lь* (вероятно, связанной с отглагольным прилагательным **žьg-lъ(jь)*.

за́дохоль ‘плесень на молочных продуктах, на квасе’ (Ярослав. словарь 4, 70). Связано с прилаг. (*за*)*до́хлый* : *до́хнуть*.

о́дохоль (и *о́дохль*) ‘дохлая рыба’, псков., твер. 1855 (СРНГ 23, 63). Связано с прилаг. (*о*)*до́хлый* : *до́хнуть*.

о́пуголь ‘испуг’, ср.: "*о́пуголь* подава́ть (врагам)" = ‘спугнуть врага’, влад. 1895 (СРНГ 23, 310): *опу́га* ‘испуг’, (*о*)*пуга́ть*. Прилагательного с суф. *-l-* не отмечено.

ро́стополь (и *ро́стопель, ро́степель*) ‘весеннее половодье, распутица’ ворон., горьк., костр. (Картотека СРНГ). Связано с *то́плый* (см. *то́поль 1, 2*) : (*рос*)*топить*.

у́тихоль ‘состояние по глаголу *утихать*’, псков. (Даль[2] IV, 520) : *утихать*. Прилагательного с суф. *-l-* не отмечено.

Выводы

1. Среди производных с суф. *-ol-* можно выделить несколько хронологических пластов; наиболее древние – славянские имена, имеющие соответствия в балтийских языках: **gomolъ* (и варианты) ~ лит. *gãmalas*, **komolъ* ~ лит. *kamuolỹs*, **vьrxolъ* ~ лит. *viršẽlis*, **bǫbol'ь* ~ лит. *bum̃balas*, **drol'ь* ~ лит. *drãlas* (возможно, балто-славянские образования). Основной корпус рассмотренных имен представляет собой собственно славянские или русские образования.

2. Наблюдаются достаточно широкие возможности сочетания суф. *-ol-* с различными парадигматическими показателями[43]. Исключение составляет лишь класс существительных среднего рода, связанных, как правило, с семантикой орудийности, образуемых от глагольных основ и сохраняющих перед *-l-* тематический гласный основы. В помещаемой ниже таблице приводятся данные парадигматической реализации модели в праславянском языке в сопоставлении с русским. В скобках даются единичные или небесспорные случаи реконструкции (см. табл).

	-ъ	*-'ь*	*-o*	*-'o*	*-a*	*-'a*	*-ь*
праслав.	*-olъ*	*-ol'ь*	–	–	(*-ola*)	(*-ol'a*)	(*-olь*)
совр. рус.	*-olъ*	*-ol'ь*	–	–	(*-ola*)	*-ol'a*	*-olь*

Как видно из приведенной таблицы, в современном русском языке сохраняются те же тенденции распределения моделей по словоизменительным классам, что и в праславянском. Пожалуй, наиболее четко наметилась тенденция выделения однородной группы имен, принадлежащих грамматическому женскому роду, III склонению (*-olь*). Единство этой группы поддерживается и способом словообразования: обычно это субстантивированные формы *-l-* прилагательных, сохраняющие атрибутивную семантику.

Парадигматическая вариантность в незначительной степени характерна для данной модели. Отношения вариантности возникают внутри одного грамматического рода или между различными родами, ср.: – варианты, принадлежащие одному грамматическому роду:

а) праслав. **kъrkolъ*/**kъrkol'ь*, **dъbolъ*/**dъbol'ь*, **ščьgolъ*/**ščьgol'ь*; рус. *вя́хол*/*вя́холь*, *обзо́л*/*обзо́ль* – м.р.

б) праслав. **susola*/**susol'a*; рус. *вазго́ла*/*вазго́ля* (ж.р.; общ.р.), *краcóля*/*краcóль* (ж.р.)

– варианты, принадлежащие различным грамматическим родам: праслав. **gomolъ*, м./**gomola*, ж./**gomol'a*, ж.; **skogolъ*, м./**skogol'ь*, м./**skogol'a*, ж.; **drol'ь*, м./**drol'a*, м. и ж.; рус. *мозго́ль*, м./*мозго́ль*, ж.; *у́стополь*, м./*у́стополь*, ж.; *о́пухол*/*о́пухоль*, м./*о́пухоль*, ж.

3. В качестве производящих основ для образования имён с суф. *-ol-* могут выступать субстантивные основы (*жук*: *жу́кола*, *о́трок*: *о́троколь*, *кедр*: *кедро́ль*, *топо́р*: *топоро́ля*...), адъективные (*чи́стый*: *чисто́ль* –

один пример), глагольные (*пáчкать*: *пачкóля, родúть*: *родóля, жать, жму*: *жмоль, подрастú*: *подрóстоль*...) Особую группу образуют результаты субстантивации прилагательных с *l*-суф.: *мóзголь ~ мóзглый, óпухоль ~ (о)пýхлый, тóполь 1, 2 ~ тóплый, тя́голь ~ тя́глый*...

4. Приведенный выше материал показывает, что словообразовательная модель с суф. *-ol-* в русском языке не является однородной. Она объединяет различные словообразовательные механизмы. Можно проследить определенные тенденции внутри данной модели. Прежде всего, класс имен существительных женского рода с суф. *-ol-* пополняется за счет преобразования адъективных структур с *-l-* суффиксальным путем вокализации суффикса при их субстантивации. Реализация гласного в виде *-о-* обусловлена причинами морфонологического характера: присоединение суффикса к основам на заднеязычный определяет характер артикуляции и для начального гласного суффикса (непереднего ряда). В случаях, когда основа завершается губным согласным, возможна вариантность *о/е* в суффиксе (лабиализация гласного в позиции после губного согласного). Не исключено влияние корневого вокализма на выбор гласного в суффиксе, формирование его характеристики по ряду, т.е. действие закона звукового сингармонизма (во всех наших примерах в корне слова представлен гласный непереднего ряда – *о* или *у*), ср. *рухоль ~ рухлый, сухоль ~ сухлый, трухоль ~ трухлый, тухоль ~ тухлый, пуколь ~ пуклый, мозголь ~ мозглый, тополь* 1, 2 (и *топель*) ~ *топлый*. Та же закономерность – *о*-вокализация суф. после заднеязычного или губного (в последнем случае вариативно с *-е*) согласного при сохранении межслоговой гармонии происходит в приставочных образованиях: нéжеголь ([н'éжəгəл'] – после твердого шипящего в корне возможен только гласный непереднего ряда, в окающих говорах [*о*]) ~ жеглый, *одохоль ~ дохлый, опухоль ~ опухлый, осоколь, опуголь, отроколь, истополь* (и *истопель*), *ростополь* (и *ростопель*). Исключение по слоговому сингармонизму составляют слова *утихоль, тяголь*, но и они не противоречат общему правилу, так как корневые морфемы заканчиваются на заднеязычный согласный.

В акцентном отношении все эти производные ведут себя одинаково – имеют постоянное ударение на первом слоге (в приставочных образованиях – на приставке), т.е. суф. *-olь* сохраняет в данных структурах акцентные характеристики суф. *-lь*, к которому генетически восходит. По терминологии А.А. Зализняка, *-lь* является левоударным, начальноударным суффиксом, т.е. имеет маркировку ← D Init[44]. Таким образом, суф. *-olь* в данном случае является лишь морфонологическим вариантом *-l-*, суффикса отглагольных прилагательных (причастных форм).

Другой источник пополнения модели с суф. *-ol-* в современном русском языке (его литературной части) связан с терминологической сферой – это пока еще достаточно узкая группа лексики, обозначающая химические и фармакологические вещества. Формант *-ol-* в данных образованиях еще слишком явно (чтобы стать обычным суффиксом) несет на себе груз

семантики латинского *oleum* ‘масло’, к которому генетически восходит, ср.: *пятнóл* ‘средство для выведения пятен’, *чистóль* ‘чистящее средство’, *кедрóль* ‘кедровое масло’. Однако вычленение структурного элемента *-ол-* (ср.: *ментóл, автóл, бензóл*; *гликóль, силикóль* и др.), отождествление его с суффиксальным формантом, соединение с известными русскому языку корнями для образования новых слов – все это говорит о возможном направлении в развитии словообразовательной модели современного русского языка. Эта тенденция поддерживается уже имеющимися в языке образованиями с аналогичной структурой суффикса и отражает, вероятно, начальный этап одного из способов образования суффиксальных средств – постепенной формализации некогда значимого языкового элемента, процесса, с которым часто сталкиваются исследователи, занимающиеся глубинной реконструкцией праязыка, и который редко удается наблюдать в синхронии.

Природа происхождения суф. *-ol-* в других образованиях не является столь очевидной. Можно лишь отметить, что и среди более древних производных с суф. *-ol-* существует тенденция присоединения этого форманта к корням, оканчивающимся на заднеязычные и губные согласные, ср.: **kъrkolь, *sokolъ, *skogolъ, *ščegolъ, *smogolь, *vьrxolъ, *mlaxolъ, *krъxolь, *xorxolь, *šerxolь, *gomolъ, *komolъ, *xomolъ, *dъbolъ* (формальное доказательство вторичности реконструкции **bъdolъ* – иное, чем свойственно модели, завершение корневой морфемы), **stьbolъ, *šebolъ, *bǫbolь, *sopolъ, *rępolъ*.

Среди вероятных праславянских производных исключением из данного морфонологического правила являются лексемы **drolь/*drolʹa*, ср. лит. *drãlas*), **lěsola* и **sьrtolʹa*. То обстоятельство, что два последних слова являются единичными представителями целого словоизменительного класса (соответственно: праславянские производные с суф. *-ola* и *-olʹa*), а также отличаются от прочих дериватов финалями производящих основ, может подтверждать сомнительность обеих реконструкций для праславянского (см. комментарии в тексте статьи).

Отглагольные и отыменные образования с суф. *-ol-* в современном русском языке, не связанные с субстантивацией прилагательных на *-l-*, также отвечают правилу сочетания суф. *-ol-* с корнями на заднеязычные и губные согласные: *óтроколь, óсоколь, сокóльня, жýкола, размахóля, вазгóля, дрогóля*; *жмоль*. Случай с *дрогóля* особенно примечателен, поскольку при нормативной глагольной основе со смягченным финальным согласным (*дрожать*) для образования имени с суф. *-ол-* выбирается основа без смягчения, с исконным заднеязычным согласным.

Следует, однако, отметить и наличие производных, не удовлетворяющих данному правилу. Это образования, требующие тех или иных оговорок, ср.: *макарóля, топорóля* – основы на плавный согласный, фиксируются единичными источниками; возможно, окказионализмы; основы на зубной взрывной: *подрóстоль, чистóль* (имеют варианты с гласным *-е-* в суффиксе), *дудóля, родóля*; основы на сибилянты: *красóля, шишóля* (для которых, вероятно, первичны варианты с гласным *-у-* в суффиксе), а

также *кузóл* и *хазóл* (образования с неясной или спорной этимологией). Наличие подобных образований свидетельствует, скорее всего, об определенном расширении действия модели с суф. *-ol-*, укреплении ее статуса в русском языке, вовлечении в словообразовательный механизм основ, на которые первоначально, вероятно, был наложен морфонологический запрет.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Sławski F.* Zarys słowotworstwa prasłowiańskiego // Słownik prasłowiański / Pod red. F. Sławskiego. Wrocław etc., 1974. T. 1. 109–110.

[2] *Вербот Ж.Ж.* Древнерусское именное словообразование. М., 1969; *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985; *Kiparsky V.* Russische historische Grammatik. B. III. Entwicklung des Wortschatzes. Heidelberg, 1975.

[3] *Warchoł St.* Uwagi o genezie i funkcji formantu **olja* w nazwach własnych i apelatywach // Sławistyczne studia jezykoznawcze (Prof. F. Sławskiemu w 70 rocznicę urodzin ...). Wrocław etc. 1978. 171–176. К сожалению, русский языковой материал представлен в этой работе недостаточно полно.

[4] Версия о романском происхождении суф. *-ol-* (и *-ul-*) в славянских языках была высказана в работах Ф. Миклошича, Т. Маретича, М. Карплука и в целом поддержана Ст. Вархолом. Ссылки см. в работе: *Warchoł St.* W sprawie genezy i funkcji sufiksu *-ula* w słowiańskich nazwach osobowych i apelatywach // Z polskich studiow sławistycznych. Seria 3. Językoznawstwo. W-wa, 1968, 55–63.

[5] *Барболова З.* Словообразуватели типове с наставки на *-л* при nomina instrumenti от мъжки род с девербални основи в българските диалекти // Български език. № 2. 1989. 153.

[6] *Куркина Л.В.* Диалектная структура праславянского языка по данным южнославянской лексики. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. М., 1987, 27.

[7] *Лаучюте Ю.А.* Словарь балтизмов в славянских языках. Л., 1982. 140.

[8] *Орел В.Э.* Слав. **mogyla* // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1981, М., 1984, 305–306.

[9] Подробнее о лексическом наполнении гнезда **gomola*/**gomyla*/**gomula* см. в статье: *Павлова Е.С.* Рус. диал. *гомы́лька* // Этимология 1988–1990. М., 1992, 120–126.

[10] Производные с корневой структурой **kъrk-*/**kork-*/**krok-*/**krek-* < и.-е. **(s)ker-* I, II 'резать', 'крутить' неоднократно привлекали к себе внимание исследователей, см., например: *Меркулова В.А.* Русские этимологии. V (*кречелы*) // Этимология 1980. М. 1982, 87–93; *Куркина Л.В.* Славянские этимологии (**krek-*/**krok-*) // ОЛА 1981. М., 1984, 282–289; *Козлова Р.М.* Образования с корнем **(s)kork-*/**(s)korč-* в славянских языках // Этимология 1982. М., 1984, 47–53 (где, кстати, на основании того же лексического материала, что и в ЭССЯ, реконструируется исходная форма **korkъlь*).

[11] К тому же выводу независимо пришел А.Ф. Журавлев, см.: *Журавлев А.Ф.* Лексикостатистическое моделирование системы славянского языкового родства. Докт. дис. М., ИРЯ РАН, 1992.

[12] *Хинце Ф.* Кашуб. *skogola* 'комар' и родственные слова // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования 1976. М., 1978. 141–147.

[13] *Вербот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имен. VII//Этимология 1977. М., 1979. 28–32.

[14] *Кошелев А.* Етимологически бележки. Руско диал. *дроля* // Език и литература, XIX, кн. 1, 1964. 77–79; *Вербот Ж.Ж.* Заметки по славянской этимологии (рус. *дроля*) // Этимология 1970. М., 1972. 78–81.

[15] Сборник великорусских частушек / Под ред. Е.Н. Елеонской. М., 1914.

[16] См., например: *А.Н. Афанасьев.* Русские заветные сказки. Женева, 1975.

[17] *Štrekelj K.* Vermischte Beiträge zum slavischen etymologischen Wörterbuch. A. Einheimisches // AfslPh XXVIII, 1906. 496–499.

[18] *Булаховский Л.А.* Общеславянские названия птиц // Изв. Академии наук СССР. ОЛЯ, 1948. Вып. 2, 98.

[19] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии // Общеславянский лингвистический атлас 1979. М., 1981. 336–337.

[20] *Трубачев О.Н.* Славянские этимологии. 41–47 // Этимология 1964. М., 1965. 6–9.

[21] *Куркина Л.В.* Рус. диал. *малохольный, свережий* // Этимология русских диалектных слов. Свердловск, 1978, 23–25.

[22] *Петлева И.П.* Этимологические заметки по славянской лексике. XV (**sьrt-ol'a*) // Этимология 1985. М., 1988. 18.

[23] *Leskien A.* Die Bildung der Nomina im Litauischen // Abhandlungen der philologisch-historischen Classe der Königlich Sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. Bd. 12. 1891. 477–478.

[24] *Куркина Л.В.* Славянские этимологии (**-smęgnǫti...*) // Этимология 1985. М., 1988. 10–11.

[25] *Меркулова В.А.* Заметки по этимологии русской диалектной лексики (*хорохоль, шорохоль*) // Диалектография русского языка. М., 1985. 193–194.

[26] Этимологию **obьza, obьža* см.: *Варбот Ж.Ж.*Этимологические заметки // Балто-славянские исследования. М., 1974. 42–48.

[27] Мена *b~v* спорадически встречается в русских говорах, ср. яросл. *будень ~ вудень, болтузиться ~ волтузиться* (*Ткаченко О.Б.* Мерянский язык. Киев, 1985, 28–29), *боевой ~ воевой, божатка ~ вожатка* и др. (Арханг. словарь 2, 47–48 и 5, 14–15). Существуют различные объяснения подобного явления. Напр., точка зрения О.Б. Ткаченко, о влиянии финно-угорского субстрата, в частности, мерянского языка, в котором на месте славянских *b* и *v* выступает один звук β (указ. соч., 29). Второе объяснение принадлежит Л.Л. Касаткину. По его версии, подобная мена согласных (не только *b ~ v*) является реликтом праславянской фонетической системы, знавшей нейтрализацию согласных по признаку напряженности–ненапряженности. См.: *Касаткин Л.Л.* Современная русская диалектная фонетика как источник истории русского языка. АДД. М., 1985, 17.

[28] *Павлова Е.С.* О возможном расширении класса *-l-* производных имён за счет фонетических преобразований имён иной структуры // Новейшие направления лингвистики: Тезисы Всесоюзной школы-конференции. М., 1989, 130–132.

[29] *Варбот Ж.Ж.* К реконструкции и этимологии некоторых праславянских глагольных основ и отглагольных имён. VIII // Этимология 1978. М., 1980, 25–26.

[30] О возможном соотнесении польского *kazub* 'дымовая труба' с и.-е. **keug'-* 'гнуть' писал ещё Г.А. Ильинский (ИОРЯС XXIII. 2, 1921. 237–239).

[31] Русская грамматика. М., 1980. 197.

[32] При всей убедительности метафорического наименования бойного орудия, производного от *сокол* 'хищная птица' (который, как известно, бьет свою жертву с лету), представляется возможной более древняя мотивация, при которой рус. *сокол 2* сближается с гнездом производных от корня **sъk-/*sъč-*.

[33] Против членения *sъ-kolъ* достаточно красноречиво свидетельствует тот факт, что вокализация гласного в предлоге (в аналогичной позиции) в общем-то известна русскому языку, но характеризует достаточно узкую группу лексики, а именно церковно-славянизмы (ср.: *собор < sъ-borъ, восток < vъz-tokъ*...). Название же стенобитного орудия *сокол* является, очевидно, фактом не книжного, а народного языка.

[34] *Трубачев О.Н.* Ремесленная терминология в славянских языках. М., 1966, 148. Ср., впрочем, данные В.А. Дыбо: лит. *išsėkti* 'sculpere', лат. *sēcula* 'серп', *sēcale* 'рожь'(*Дыбо В.А.* Славянская акцентология. М., 1981. 255).

[35] Уже после подготовки рукописи к печати мне стало известно об этимологии А.В. Дыбо, объясняющей русское *соколóк* 'кровяная жила большого перста', а также забайк. *соколак*'нижний сустав большого пальца, первая фаланга' (Элиасов 387) как заимствование из незафиксированного тюрк. *soq-lag* (производного с аффиксом места от тюрк. **suq* 'указательный палец', ср. алт. диал., шорск. *суккол, сукол*; **soq elik* (уйгур. *elik* 'палец'). Исходная тюркская форма, по мнению А.В. Дыбо, должна была бы означать 'место у указательного пальца', т.е. промежуток между большим и указательным пальцами (откуда пускали кровь) см.: *Дыбо А.В.* Семантическая реконструкция в алтайской этимологии. Докт. дисс. М., ИЯз РАН, 1991. Принимая возможность такого

объяснения для слов со значением 'кровяная жила большого пальца' < 'палец', палагаю, однако, что своего рода смещение значений в сторону сближения с корнем *sъk-/*sъč- 'сочиться' произошло уже в случае 'ножная жила у лошадей, из которой пускают кровь'. Подобному смещению мотивационных связей способствовало, возможно, и наличие явных производных с суф. -ol- на базе корня sъk-, ср. олонецкое *ósоколь* 'навозная жидкость, вытекающая из хлевов' и волжское *сокóльня* 'нужное (отхожее) место на судах', а также префиксальное *нáсока*, блр. 'кровь, идущая из носа' (Носович 394), происхождение которых никак не может быть связано с тюрк. **suq* 'палец'.

[36] *Петлева И.П.* О семантических истоках слов со значением 'скупой' в русском языке // Этимология 1970. М., 1972. 208–209.

[37] См.: Фасмер III, 172; *Копечный Ф.* К этимологии славянского *otrokъ* // Этимология 1966. М., 1968. 54–61; *Варбот Ж.Ж.* Некоторые случаи морфологического переразложения в славянских глаголах и отглагольных именах и этимологический анализ // Slawische Wortstudien. Bauzen, 1975, 161–162; *Цейтлин Р.М.* Лексика славянских языков X-XI – XIV-XV вв. // Славянское языкознание. X Международный съезд славистов. Доклады советской делегации. М., 1988. 373–376.

[38] *Трахтенберг В.Ф.* Блатная музыка (жаргон тюрьмы) / Под ред. и с предисловием Б.де Куртенэ. СПб., 1908. 66.

[39] Словарь современного русского литературного языка. М., 1965. Т. 17. 1063.

[40] О греческом слове см.: *Топоров В.Н.* Из индоевропейской этимологии. Др.-греч. μάκαρ, μακάριος // Этимология 1980. М., 1982, 142–149.

[41] О названии дерева *тополь* в нашей работе не говорится, поскольку в данном случае мы, вероятно, имеем дело с заимствованием из лат. *pōpulus* 'тополь' с диссимиляцией *p–p* > *t–p*). Однако источник заимствования не является очевидным (ср. сомнения Фасмера: в восточной части романских языков, откуда слово могло быть заимствовано славянами, существовала форма **plōp(u)lus*, ср. рум. *plop*, алб. *plep* – Фасмер IV, 79). Изыскания В.А. Дыбо позволили ему предположить, что название тополя было заимствовано славянами в достаточно древнюю эпоху, когда славяне сталкивались на Балканах не с диалектами типа румынских, а с диалектами, остатки которых сохранились в ретороманском и далматинском (вымершем), частично сохранившемся в сев.-итал. говорах, где как раз и обнаруживается данная основа с диссимиляцией: **top(o)l-*, **topl-ōn-* (языковой материал см.: *Иллич-Свитыч В.М.* Опыт сравнения, вып. 4, рукопись).

[42] Эти два глагола (*топить 1* 'нагревать' и *топить 2* 'заливать водой, погружать в воду', традиционно считаемые омонимичными, восходят к одному источнику с общим значением 'нагревая, плавить, делать жидким', что проявляется в контекстах типа *топить воск, лед, снег* (ср.: *ístополь* 'весеннее половодье'), т.е. в ситуациях, в которых оба значения совпадают, нейтрализуются. Об этих глаголах и о семантической нейтрализации вообще см.: *Трубачев О.Н.* Этимологические исследования и лексическая семантика // Принципы и методы семантических исследований. М., 1976, 168–170.

[43] Под парадигматическим показателем понимается принадлежность лексемы определенному словоизменительному классу, т.е. реализация ее в рамках конкретной словоизменительной парадигмы: *-ъ, -ˈь* (м.р.), *-о* (ср.р.), *-а, -ˈа*, *-ь* (ж.р.).

[44] *Зализняк А.А.* От праславянской акцентуации к русской. М., 1985. 68.